

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14502

EDN: AJPDL

Русский человек за рубежом: рассказ «Люцерн» Л. Н. Толстого в романе Ф. М. Достоевского «Подросток»

В. М. Димитриев

независимый исследователь

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: ganthenbein@gmail.com

Аннотация. В романе Достоевского «Подросток» (1875) опыт «русского человека за рубежом» изображается с опорой на большой литературный контекст. Прежде всего это касается источников образа Версилова. В научной литературе речь обыкновенно идет в этом аспекте о П. Я. Чаадаеве, В. С. Печерине и А. И. Герцене. Важными оказываются и толстовские источники героя «Подростка». В статье сделано предположение, что образ Версилова полемически ориентирован не только на Константина Левина из романа «Анна Каренина» (этот тезис подтверждается текстом подготовительных материалов и существующими исследованиями толстовского контекста в «Подростке» у А. Л. Бема, А. С. Долинина, Л. М. Розенблюм, Е. И. Семенова и других), но и на Дмитрия Нехлюдова из рассказа Толстого «Люцерн: из записок князя Д. Нехлюдова» (1857). В доказательство этой мысли приведен фрагмент из исповеди Версилова, где герой сообщает о появившейся за рубежом потребности осчастливить конкретного человека, а не «какого-нибудь подвернувшегося немца или немку». Есть основания предполагать, что это аллюзия на поступок Нехлюдова в отношении тирольца из «Люцерна». Возможность такой интерпретации подтверждается и другими фактами. Версилов хорошо разбирается в творчестве Толстого: от автобиографической трилогии до печатавшейся «Анны Карениной» — об этом можно узнать из черновой рукописи романа. Кроме того, эта аллюзия вступает в диалог с другими примерами использования толстовского и герценовского текстов в романе «Подросток» и «Дневнике Писателя» («Старые люди», цикл статей об «Анне Карениной»). «Русский скиталец» и тип «всемирного боления за всех» корреспондируют с представлением Достоевского об эмигрантах от рождения, как он называет Герцена, или праздношатающихся в духовном смысле, как он именует героев Толстого. Достоевский в творчестве и публицистике в целом нередко использовал понятие «эмиграции» как метафору.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Подросток, Л. Н. Толстой, Люцерн, творческий диалог, Европа, Россия, эмиграция

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-18-00762, <https://rscf.ru/project/24-18-00762/>, ИРЛИ РАН).

Для цитирования: Димитриев В. М. Русский человек за рубежом: рассказ «Люцерн» Л. Н. Толстого в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 4. С. 158–179. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14502. EDN: AJPDJL

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14502

EDN: AJPDJL

A Russian Abroad: Tolstoy's Short Story "Lucerne" in Dostoevsky's Novel "The Adolescent"

Viktor M. Dimitriev

independent researcher

(Saint Petersburg, Russian Federation)

e-mail: ganthenbein@gmail.com

Abstract. In Dostoevsky's novel "The Adolescent" (1875), the experience of the "Russian abroad" is depicted within a broad literary context, particularly regarding the sources of Versilov's character. Scholarly literature often highlights the influence of figures such as Pyotr Yo. Chaadaev, Vladimir S. Pecherin, and Alexander I. Herzen in this regard. However, Tolstoyan sources also play a significant role in shaping Versilov. This article argues that Versilov's character is polemically aligned not only with Konstantin Levin from Tolstoy's "Anna Karenina" but also with Dmitry Nekhliudoff from Tolstoy's "Lucerne: From the Recollections of Prince D. Nekhliudoff" (1857). The connection to Levin is well-documented, supported by preparatory materials and prior studies of Tolstoyan context in "The Adolescent" by Alfred L. Bem, Arkady S. Dolinin, Lia M. Rosenblum, and Evgeny I. Semenov. The connection to Nekhliudoff is substantiated by a passage from Versilov's confession, where he expresses a newfound desire abroad to bring happiness to a specific individual rather than "some casual German, man or woman." This sentiment seems to allude to Nekhliudoff's act of charity toward the Tyrolean in "Lucerne". Additional evidence includes Versilov's familiarity with Tolstoy's works, from the autobiographical trilogy to the serialized "Anna Karenina", as shown in the drafts of "The Adolescent". This allusion also engages in dialogue with other instances of Tolstoyan and Herzenian texts in "The Adolescent" and "A Writer's Diary" (e. g., "Old People" and the series of articles on "Anna Karenina"). The "Russian wanderer" and the type of "world-wide compassion for all" correspond to Dostoevsky's idea of emigrants since birth, as he calls Herzen, or spiritual vagabonds, as he calls Tolstoy's heroes. Dostoevsky frequently employed the concept of "emigration" as a metaphor in both his fiction and journalistic works.

Keywords: F. M. Dostoevsky, The Adolescent, L. N. Tolstoy, Lucerne, creative dialogue, Europe, Russia, emigration

Acknowledgments. The research study was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 24-18-00762, <https://rscf.ru/project/24-18-00762/>).

For citation: Dimitriev V. M. A Russian Abroad: Tolstoy's Short Story "Lucerne" in Dostoevsky's Novel "The Adolescent". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 158–179. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14502. EDN: AJPDJL (In Russ.)

Тема «русский человек за рубежом» в творчестве Достоевского открывает несколько перспектив. Можно рассмотреть, как его зарубежные поездки — в 1862 и 1863 гг., длительное пребывание в 1867–1871 гг. и краткие визиты в 1870-х — повлияли на взгляды и произведения писателя. Эти путешествия формируют отношение Достоевского к Европе, знакомят его с жизнью русской диаспоры и дают материал для публицистики и художественных текстов, что уже хорошо изучено ([Брусовани, Гальперина], [Захаров], [Аствацатурова], [Соловьев], [Достоевский, 2013–2022; т. 5: 416–438] и др.). Отдельный сюжет представляют отношения писателя с представителями русской эмиграции, нашедшие отражение в его творчестве ([Волгин], [Кибальник, 2022]). Наконец, эта тема относится к геополитическим и постколониальным исследованиям символической географии в русской классике XIX в. ([Пономарев], [Геополитическая карта]). Эти крупные сюжеты связаны и с рядом конкретных вопросов. Например, для понимания того, как изображали русских за границей, важно учитывать общественные и политические споры об отъезде дворян за рубеж [Гуськов]. А в изучении описания эмигрантского опыта полезно проанализировать социальные и литературные модели, которые повлияли на становление изгнаннической и эмигрантской политической риторики [Шёнле].

В этом исследовании рассмотрено, как складывались принципы изображения зарубежного опыта в творчестве Достоевского. Отдельное внимание сосредоточено на литературном контексте образа Версилова из романа «Подросток».

В письмах из-за рубежа 1867–1871 гг. Достоевский не единожды предпринимает попытку охарактеризовать жизнь русских в Европе: политических эмигрантов, путешественников-энтузиастов, да и просто заезжих аристократов, коротающих время на водах или за игровым столом. Эта тема — русские за рубежом, — волнующая его в качестве сюжета начиная с первого путешествия по Европе в 1862 г. и не оставляющая до конца жизни, становится в тяжелые и плодотворные для писателя годы одним из центральных объектов для наблюдения и изучения. Помимо описания жизни этих людей, он пытается охарактеризовать и свое состояние за границей, где, вопреки открывающемуся культурному богатству, переживает острую тоску и нехватку русской жизни. Тема финансового неблагополучия в письмах соединяется с темой ненормальности жизни за границей, перерастая в жалобах писателя в своеобразный синтез. Социальная незащитность сливается с душевным расстройством.

В письме Аполлону Майкову от 26 октября (7 ноября) 1868 г. Достоевский настаивал:

«Переехав в Россию, я бы знал чем заняться и добыть денег; я таки добывал их в свое время. А здесь я тупею и ограничиваюсь, от России отстаю. Русского воздуха нет и людей нет. Я не понимаю, наконец, совсем русских эмигрантов. Это — сумасшедшие!» [Достоевский, 1972–1990; т. 28₂: 322].

В определении эмигрантов как сумасшедших нет намек на буквальную психопатологию. Но разные формы эмиграции и болезнь часто оказываются слиты в творческом мышлении писателя.

Достоевский использовал слово «эмиграция» или «эмигрант» не только в прямом, но и в переносном значении. В статье «Старые люди» из «Дневника Писателя» за 1873 г. он писал про Герцена:

«Герцен был совсем другое: то был продукт нашего барства, *gentilhomme russe et citoyen du monde* <русский дворянин и гражданин мира (франц.)> прежде всего, тип, явившийся только в России и который нигде, кроме России, не мог явиться. Герцен не эмигрировал, не полагал начало русской эмиграции; нет, он так уж и родился эмигрантом. Они все, ему подобные, так прямо

и рождались у нас эмигрантами, хотя большинство их не выезжало из России» [Достоевский, 1972–1990; т. 21: 8–9].

Эмигрант в ценностной картине Достоевского был противопоставлен тому «химическому соединению человеческого духа с родной землей» [Достоевский, 1972–1990; т. 5: 52], о возможном существовании которого вопрошает рассказчик «Зимних заметок о летних впечатлениях». Эмигрант оказывается изгнан со своей земли в первую очередь в духовном смысле. Метафорический комплекс «оторванности от почвы», столь волнующий писателя начиная с его публицистических работ 1860-х гг., прекрасно иллюстрируется физическим отрывом эмигранта от родной земли. Приведем в пример анализ одной записи из рукописей Достоевского 1864–1866 гг., сделанный Н. А. Тарасовой. В новой расшифровке запись, где речь идет о русском образованном слое, выглядит так:

«Это остатки прежняго либерализма, имѣвшаго свой историческ<ий> складъ, но совершенно отжившаго и присутствующаго еще въ огромной массѣ отжившихъ людей, ходячихъ труповъ, *Абадоннъ*, отъ земли отставшихъ и никуда не приставшихъ, которые представляютъ изъ себя вялое, пошлое поколѣние нашихъ шатающихся даромъ лишнихъ людей. Теперь наступаютъ совсѣмъ другія идеи. Идеи почвы и *земства*, *неразрывности съ цѣлымъ, единства съ нар<одомъ>*» [Тарасова: 369–370].

Исследовательница показывает связь этой записи с комплексом почвеннических идей Достоевского, формирующихся в период работы над журналом «Время». Важно отдельно подчеркнуть вскрываемую в статье романтическую генеалогию образа «Абадонн, от земли отставших». Эмигрантская тоска и «праздношатание» в публицистике и прозе Достоевского изображаются с опорой на романтические модели изгнания.

Герои Достоевского, отправляясь за границу, нередко заболевают или едут туда больными. Повествователь «Зимних заметок о летних впечатлениях» страдает печенью [Достоевский, 1972–1990; т. 5: 47]. Князь Мышкин вспоминает, как в Швейцарии, в первый год лечения, чувствовал себя чужим и выкидышем в великом благообразии природы [Достоевский, 1972–1990; т. 8: 351–352], притом и возвращается он уже окончательно

больным в Швейцарию¹. Ставрогин, как следует из его исповеди Тихону из неопубликованной главы, именно за рубежом, слоняясь по европейским странам, вдруг оказывается захвачен странным помешательством, где реальные и ирреальные образы — паучка, потрясающей кулачком Матрешы, картины Клода Лоррена, фотографии неизвестной девочки — формируют сложную визуальную драматургию его вины-напоминания [Димитриев]. Версилова не мучают галлюцинации, однако и он увозит за рубеж свою русскую тоску, как бы, как он считает, в дар европейцам [Достоевский, 1972–1990; т. 13: 377]². И эта тоска заставляет его призвать Софью, мать Аркадия. Примеры можно множить. Русских людей, вышедших из-под пера Достоевского, зарубежье настигает или сопровождает болезнью, физической или духовной. Эта психическая интерпретация изгнания во многом отражает политические симпатии и философию Достоевского, для которого отъезд за границу является, используя слова Лизаветы Прокофьевны из романа «Идиот», «одной фантазией», между тем как «пора и рассудку послужить» [Достоевский, 1972–1990; т. 9: 510], то есть найти для себя дело вне отрыва от исторической жизни России.

На страницах публицистики и художественной прозы, в особенности начиная с романа «Игрок», Достоевский исследует разные способы изображения литературной судьбы своих героев-изгнанников или заграничных путешественников. Мир эмигрантов у Достоевского имеет нередко отношение к французам и полякам и изображен сатирически. Вспомним, к примеру, бедного эмигранта, увивающегося перед «бабушкой» в «Игроке» [Достоевский, 1972–1990; т. 5: 266], или польского графа-эмигранта, увезшего Аглаю в «Идиоте», о котором затем стало известно, что «граф даже и не граф, а если и эмигрант действительно, то с какой-то темной и двусмысленной историей» [Достоевский, 1972–1990; т. 8: 509].

¹ Не место касаться здесь обширного вопроса о «швейцарском» топосе в художественном пространстве Достоевского. Сошлемся лишь на новый комментарий к «Идиоту», где можно найти и необходимую исследовательскую литературу [Достоевский, 2013–2022; т. 9: 592–596], или недавнее исследование «геополитической карты» творчества Достоевского [Геополитическая карта: 114–120].

² Конечно, этот комплекс представлен в романе «Подросток» неоднозначно: «Русская мировая тоска — счастлива» [Достоевский, 1972–1990; т. 17: 149]

Важно при этом, какое событие становится узловым моментом сюжета — отъезд героя за рубеж или его возвращение в Россию. Согласно подготовительным материалам к «Идиоту», Ганя Иволгин должен был стать эмигрантом, и это одна из его характеристик в замысле писателя: «...слабость, добрые наклонности, ум, стыд, стал эмигрантом» [Достоевский, 1972–1990; т. 9: 280]. Возвратившимися эмигрантами были Кириллов и Шатов. Известно, какое значение имел случай «раскаявшегося» апатрида В. И. Кельсиева для генезиса Шатова и для его героизации в «Бесах» [Достоевский, 1972–1990; т. 12: 233]. Обратная ситуация — с планируемым бегством за рубеж другого героя романа, Липутина:

«У него давно уже был припасен паспорт на чужое имя <...> чтобы с помощью его улизнуть за границу, *если*... допускал же он возможность этого *если!* хотя, конечно, он и сам никогда не мог формулировать, что именно могло бы обозначать это *если*...».

Ему пришла в голову «отчаянная идея» «бросить все и экспатрироваться за границу! Кто не поверит, что такие фантастические вещи случаются в нашей обыденной действительности и теперь, тот пусть справится с биографией всех русских настоящих эмигрантов за границей. Ни один не убежал умнее и реальнее. Всё то же необузданное царство призраков и более ничего» [Достоевский, 1972–1990; т. 10: 430].

Эмиграция — это поступок фантастический в мире Достоевского. Связь эмигрантского опыта и болезни в текстах писателя всякий раз обнаруживает также и свою литературную генеалогию. Обыгрывание зарубежного опыта так или иначе оказывается связано с романтическим сюжетом изгнания или самой жизни как изгнания. Этот образный ряд запускается, скажем, в «Идиоте», в уже упоминаемом фрагменте, когда Мышкин узнает в словах Ипполита Терентьева о мушке на пире жизни свои собственные мысли в первый год лечения в Швейцарии. В исследовательской литературе ([Террас], [Бочаров], [Жилькова]) эти приступы беспокойства героев возводятся к богатой литературной традиции: стихотворению Н. Жильбера и элегической традиции, включающей в себя тексты А. Шенье, его переложения В. А. Жуковским, а также стихи Ф. И. Тютчева и Е. А. Боратынского [Достоевский, 2013–2022; т. 9: 798–799].

Эмигрантами во второй половине XIX в. называли себя политические изгнанники, находящиеся в оппозиции к государственному режиму в России. Нарушение установленных норм пребывания за границей, включая проживание за пределами страны более пяти лет без веских на то оснований, влекло за собой утрату гражданских прав для выехавшего ([Гуськов: 180–181]; см. литературу там же). Для людей, временно находящихся за рубежом, живущих наездами, в русской публицистике были другие наименования. Мягкие или нейтральные, вроде туристы и путешественники. Или оценочные — например, «русские "гулящие люди"» — понятие, принадлежащее юридическому словарю допетровской Руси, но появившееся в критическом воззвании И. С. Аксакова 1863 г. «Из Парижа» («День», 1863, 12, 16, 23 марта, 20 апреля). Оно адресовалось русским дворянам за рубежом и требовало от них возвращения в сложный пореформенный период российской жизни. Понятие из статьи Аксакова было использовано в очерке «Русские гулящие люди за границей» Салтыкова-Щедрина («Современник», 1863, № 5). В отношении русских за рубежом могло употребляться также и слово «праздношатающиеся». Это название применяет для рассказов «Людоедка» (1874) и «Перекатов» (1875) Н. И. Утина, опубликовавшая их под псевдонимом А. Урбан. Рассказам дан подзаголовок «Очерки из жизни праздношатающихся за границей». «Книгой о праздношатающихся» сперва хотел назвать Салтыков-Щедрин своих «Культурных людей» — впечатления о первой заграничной поездке, опубликованные в 1876 г.

Сатирический потенциал образа «русского человека за рубежом», который находится там без всякой цели, «праздно» и «гуляя», был не в последнюю очередь связан с одной из констант изгнаннического мышления XIX в.: эффектом двойного изгнания. Об этом пишет Андреас Шёнле как об одной из ключевых особенностей эмигрантской риторики и эмигрантского существования. Для русского интеллектуала XIX в. даже просто длительное пребывание за рубежом становится вторичным изгнанием, поскольку и до жизни за границей будущие изгнанники не воспринимали Россию как свой дом. Шёнле рассуждает об этом на примере одного из первых политических эмигрантов — Н. И. Тургенева:

«Отличительная черта тургеневского изгнания состояла в том, что у него никогда не было "подлинного дома" <...> Тургенев нигде не чувствовал себя полностью своим. Как Гоголь и многие другие, Тургенев только из своего далека, с безопасного расстояния мог воображать Россию чем-то вроде родного дома. Но стоило ему вернуться, и его тотчас охватывало желание снова сбежать» [Шёнле: 73].

Эта цитата корреспондирует с тем, как Достоевский склонен был характеризовать Герцена в статье «Старые люди», говоря о его «врожденном» эмигрантстве.

Вместе с тем для литературного освоения европейского опыта характерна и другая особенность — движение в познании зарубежного мира от воображения к реальности.

Вера Аствацатурова сравнивает Европу Толстого и Достоевского на материале их первых зарубежных путешествий и первых художественных впечатлений от них — то есть рассказа «Люцерн. Из записок князя Д. Нехлюдова» (1857) и «Зимних заметок о летних впечатлениях» (1863). Исследовательница отмечает, что в обоих случаях мы наблюдаем переход от виртуального образа Европы, полученного из образования, книг и газет — к реальным впечатлениям от путешествия: «...оба писателя — и Толстой и Достоевский, еще не увидав Европы, уже впитали в себя европейскую культуру, ставшую частью их мировосприятия. Они ехали в Европу, уже будучи в каком-то смысле "европейцами", во всяком случае европейски воспитанными. Первое личное знакомство обоих писателей с реальной Европой относится примерно к одному и тому же времени. Толстой впервые оказывается в Европе в 1857 году, Достоевский — в 1862-м» [Аствацатурова: 319].

Для характеристики символического перемещения от воображения к реальности, характерного для этих поездок, хорошо подходит цитата из «Былого и дум» Герцена, главы, опубликованной в 1856 г. «Мы вообще знаем, — пишет Герцен, — Европу школьно, литературно, т. е. мы не знаем ее, а судим *à livre ouvert*, по книжкам и картинкам так, как дети судят по "Orbis pictus" о настоящем мире, воображая, что все женщины на Сандвичевых островах держат руки над головой с какими-то бубнами и что где есть голый негр, там непременно, в пяти шагах от него,

стоит лев с растрепанной гривой или тигр с злыми глазами. Наше *классическое* незнание западного человека наделает много бед, из него еще разовьются племенные ненависти и кровавые столкновения»³.

Классическим незнанием или книжным знанием обладают все путешествующие за рубеж русские интеллектуалы. Более того, это прямо рефлексировано на страницах текстов состоявшихся или несостоявшихся путешественников [Соловьев: 105–110 и далее].

Салтыков-Щедрин пишет в 1863 г.:

«Сомневаюсь, чтоб сатирическое перо могло сыскать для себя сюжет более благодарный и более неистощимый, как "Русские за границей" <...> Я не бывал за границей, но легко могу вообразить себе положение россиянина, выползшего из своей скорлупы, чтобы себя показать и людей посмотреть»⁴.

И правда, писатель отправится впервые за границу более чем через десять лет.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» читаем:

«Что я вам напишу? что расскажу нового, еще неизвестного, нерассказанного? Кому из всех нас русских (то есть читающих хоть журналы) Европа не известна вдвое лучше, чем Россия? Вдвое я здесь поставил из учтивости, а наверное в десять раз» [Достоевский, 1972–1990; т. 5: 46].

В «Люцерне» Толстого говорится о рассказанной истории следующее:

«Вот событие, которое историки нашего времени должны записать огненными неизгладимыми буквами. Это событие значительнее, серьезнее и имеет глубочайший смысл, чем факты, записываемые в газетах и историях»⁵.

³ Герцен А. И. Былое и думы. 1852–1856. Ч. 5 // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1956. Т. 10. С. 124.

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Русские «гуляющие люди» за границей // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М., 1969. Т. 7: Признаки времени. Письма о провинции. Для детей. Похвала легкомыслию. Итоги. 1863–1871. С. 86.

⁵ Толстой Л. Н. Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1979. Т. 3. С. 26.

Все три примера, а их могло быть и больше, показывают, что книжность и иллюзорность, условность образа Европы в воображении русского образованного читателя была отрефлексирована и в прозе.

Толстой и Достоевский проделывают путь с Востока на Запад. От воображаемой Европы к реальным впечатлениям, порождающим новый ее образ. Их будущие герои, варианты «положительно прекрасного» человека, Пьер Безухов и князь Мышкин, проделают обратный путь — с Запада на Восток, от воображаемой России, о которой они думали за границей, к реальным впечатлениям от нее. Еще Л. М. Лотман обращала внимание не только на близость двух этих героев, но и на пересечения сюжетных деталей, сопровождающих их ввод в повествование: отпрыски знатного рода, внезапное наследство, инаковость в отношении остальных героев: «Оба героя после длительного пребывания и воспитания за границей приезжают на родину и оказываются перед необходимостью выбирать себе сферу деятельности. Получив большое наследство, каждый из них "освобождается" от необходимости вести борьбу за существование и, отказавшись от намерения найти себе практическое занятие — службу, труд ради заработка, — решает совершить поездку по России, ближе узнать свою родину» [Лотман: 278]. В определенном смысле эти герои могут восприниматься и как иностранцы, чужаки, только узнающие Россию.

Неслучайно потому, что иностранец мистер Астлей из романа «Игрок», как показывает С. А. Кибальник, может считаться одним из ранних вариантов разработки «положительно прекрасного» человека и парадоксальным образом «открывает череду героев Достоевского, которые оказываются как бы нравственным камертоном, осуждающим русское "скитальничество" по Европе, — таких, как, например, Лизавета Прокофьевна Епанчина» [Кибальник, 2017: 290].

Один из наиболее полно реализованных у Достоевского подходов к изображению русского человека за рубежом можно найти в фигуре Версилова из романа «Подросток».

Система прототипов, связанных с этим героем, отсылает не в последнюю очередь к истории эмиграции, физическому или духовному скитальничеству XIX в. Персонаж Грибоедова

Чацкий и тургеневский Рудин, реальные личности П. Я. Чаадаев, В. С. Печерин и А. И. Герцен готовят отдельные черты в характере и биографии Версилова. Связи Версилова с этими прототипами посвящена большая исследовательская литература (основные выводы с указанием авторства гипотез см.: [Достоевский, 1972–1990; т. 17: 288–292]).

Мы же позволим себе попробовать дополнить ряд прототипов расширением толстовского интертекста. Обратимся к одному фрагменту из так называемой «исповеди» Версилова, то есть пространного разговора с Аркадием Долгоруким в завершающей части романа, где появляются рассуждения героя об идее «всемирного боления» за всех, миссии русского скитальца, изгнанника и эмигранта. Версиров рассказывает Подростку, что в какой-то момент их гражданской семейной жизни с Софьей Андреевной, матерью Аркадия, он решает оставить ее. Как он говорит, «разжениться». Он уезжает за рубеж: «Я уехал с тем, чтоб остаться в Европе, мой милый, и не возвращаться домой никогда. Я эмигрировал». Аркадий вопрошает: «К Герцену?». В ответ слышит: «Дворянская тоска и ничего больше» [Достоевский, 1972–1990; т. 13: 373–374]. Дворянская тоска и связывает нас с толстовским интертекстом.

Роман «Подросток», как известно, был в том числе мотивирован желанием Достоевского вступить в художественную полемику с Толстым. Эти темы не один раз становились предметом исследования, начиная с классических работ А. Л. Бема, А. С. Долинина, Л. М. Розенблюм, Е. И. Семенова и других ([Бем], [Долинин], [Розенблюм], [Семенов]). Это касается полемики с автобиографической трилогией, семейного вопроса [Порошенков], роли Толстого как изобразителя дворянства [Шаваринская], генетической связи «Пьер Безухов — Аркадий Долгорукий», мотива «благообразия» и споров о современном романе.

Версиров противопоставлен и одновременно наследует героям Толстого, и в том числе Левину из «Анны Карениной». В героях двух разных авторов воплощены представления о судьбе дворянства в современной России. В черновом варианте исповеди Версилова появляется прямая аллюзия на Левина:

«В последних произведениях своих художник берет уже время новейшее, современное. Мальчик, которого он описывал в детстве, уже вырос, он — современный помещик без крестьян, но с хозяйством. Он не любит земских собраний и не ездит на них. Он, как Иаков, идет к Лавану за женой из своего рода, но... но он как будто еще не готов к чему-то, он как-то вдруг стал задумчив... какая-то как бы тихая и недоумевающая меланхолия лежит на его действии и на его мировоззрении...» [Достоевский, 1972–1990; т. 17: 143].

Это суждение Версилова о Левине делается пока лишь на основании первых частей романа Толстого. Однако в подготовительных материалах встречаются и другие характеристики героев Толстого — Николеньки, Пьера Безухова, Левина — как героев «мелкого самолюбия», из планируемого, но не осуществленного «предисловия» к роману. Версилов входит в их число, и вместе с тем он герой современный, знающий постоянный духовный разлад и потому противопоставленный толстовским «гармоничным» героям ([Долинин: 193–195], [Достоевский, 1972–1990; т. 17: 343]). Достоевский вернется к критике Левина в «Дневнике Писателя» за 1877 г. Завершение левинской линии в романе Толстого, и конкретно безразличное и неблагожелательное отношение героя к началу войны с Турцией 1877–1878 гг., только усилило недоверие Достоевского. В Левине он видит теперь «оттенок чего-то, что можно назвать *праздношатайством* — тем самым праздношатайством, физическим и духовным, которое как он ни крепись, а всё же досталось ему по наследству и которое, уж конечно, видит во всяком барине народ, благо не нашими глазами смотрит» [Достоевский, 1972–1990; т. 25: 205].

Это «праздношатайство» и «недоумевающая меланхолия», несмотря на всю кажущуюся вовлеченность героя в жизнь своих крестьян, делает и его, и самого Версилова похожими на человека, который «так уж и родился эмигрантом», если вновь воспользоваться формулой из «Старых людей».

Версилов задумывался Достоевским не только с оглядкой на творчество Толстого, но и как его преданный читатель. В черновой рукописи он признается Аркадию:

«У меня, мой милый, есть один любимый русский писатель. Он романист, но для меня он почти историограф нашего дворянства» [Достоевский, 1972–1990; т. 17: 142].

Непрозрачные намеки и другие фрагменты указывают, что этот романист — Толстой. Реплики Версилова демонстрируют, что он хорошо знает тексты своего «любимого русского писателя», вплоть до самых последних публикаций еще создаваемого романа «Анна Каренина».

В свете такой осведомленности Версилова-читателя кажется, что один из фрагментов в исповеди находит еще один контекст.

Мы снова возвращаемся к словам Версилова о своем решении навсегда эмигрировать. Он уезжает за границу без Софьи Андреевны. Однако там «заочно, то есть в мыслях», снова полюбил ее и «послал за нею», «вспомнив, как он говорит, ее бледные щеки». Из этой затеи не вышло, конечно же, никакого счастливого воссоединения. Между отцом и сыном происходит следующий диалог:

«— Друг мой, — вырвалось у него (Версилова. — В. Д.), между прочим, — я вдруг осознал, что мое служение идее вовсе не освобождает меня, как нравственно-разумное существо, от обязанности сделать в продолжение моей жизни хоть одного человека счастливым практически.

— Неужели такая книжная мысль была всему причиной? — спросил я с недоумением.

— Это — не книжная мысль. А впрочем, — пожалуй. Тут всё, однако же, вместе: ведь я же любил твою маму в самом деле, искренно, не книжно. Не любил бы так — не послал бы за нею, а "осчастливил" бы какого-нибудь подвернувшегося немца или немку, если уж выдумал эту идею» [Достоевский, 1972–1990; т. 13: 381].

Есть основания предполагать, что этот фрагмент представляет собой аллюзию на знаменитый рассказ Толстого «Люцерн» (1857). В этом рассказе автобиографический герой, князь Дмитрий Нехлюдов, в порыве гнева и руководствуясь чувством справедливости, решает угостить самым дорогим вином уличного музыканта-тирольца в швейцарском городе Швейцергоф. Нехлюдов возмущен безразличием отельных богатых

постояльцев. Музыкант играл полчаса, его слушала собравшаяся толпа, но ни один из слушающих музыканту не заплатил. Оказывается, утонченность образования и богатство культуры не способствуют проявлению простой благодарности. Толстовский герой раздражается инвективой в адрес всей европейской цивилизации.

В рассказе Толстого последовательно развенчиваются две иллюзии: иллюзия блага цивилизационного развития и иллюзия того, что Нехлюдов оказывает подлинную помощь. Прямое действие, благодетельство Нехлюдова в отношении певца, его желание «осчастливить» подвернувшегося тирольца, который чувствует неудобство от приема, оказываемого ему, мало чем отличается от сытого безразличия постояльцев отеля и пренебрежения жителей Швейцаргофа. На место одной иллюзии, где воображаемая реальность книжной Европы скрывает ее подлинную жизнь, встает другая — иллюзия благодеяния, за которым скрывается необходимость выплеснуть гнев, доказать свою правоту и превратить в дар свое желание убить обидчиков; здесь герой вспоминает также и личный военный опыт. Впрочем, и Версилов чувствует тягу к Софье и к воплощаемой ей России только на расстоянии и в воображении.

Версилова и Нехлюдова роднит и «праздношатание», культурная тоска русского за границей, толкающая героев на вмешательство в существующий порядок вещей, и — пусть очень разное, но — представление о миссии русского за границей. Еще в 1862 г. Ап. Григорьев для журнала «Время» на примере произведений Толстого рассуждал о различии между «хищными» и «смирными» типами в русской литературе и культуре. О толстовском, по его мнению, предпочтении «смирного» — «хищному» он пишет так: «...этот анализ, дошедший до любви к смирному типу преимущественно по неверию в блестящий и хищный тип, в конце концов, не опираясь на почву, дающую оба типа, ведет к какому-то пантеистическому отчаянию, очевидному в "Люцерне", "Альберте" и выразившемуся еще прежде в "Записках маркера"»⁶. Возникает своего рода парадокс: защита

⁶ Григорьев Ап. Граф Л. Толстой и его сочинения. Статья вторая. Литературная деятельность графа Л. Толстого // Григорьев Ап. Литературная критика. М.: Худож. лит., 1967. С. 527.

чести «смирного» тирольца происходит за счет нрава экзальтированного Нехлюдова, чей характер представляет из себя, согласно Григорьеву, «жизненное последствие той особенной обстановки так называемого аристократического мирка, в которой он заключен, как в раковине...»⁷. Кажется, что этот анализ толстовского Нехлюдова в статье Григорьева в свете его теории «хищного» и «смирного» типов — добавляет еще один контекст для возможной генетической связи «Нехлюдов — Версильов». Известно, что Достоевский рассуждал о «хищном» типе, когда работал над образом Версильова. Об этом есть соответствующие записи в подготовительных материалах, и это становилось предметом исследовательского внимания [Достоевский, 1972–1990; т. 17: 267–269]. Способность сочетать «хищное» и «смирное» начала характеризует гармоническое развитие личности и отвечает почвенническим идеям Григорьева. Но также эта тема связывает нас с двойничеством «хищного» и «смирного» Версильова в «Подростке» Достоевского и историософскими рассуждениями писателя о русском национальном характере⁸.

«Праздношатание» ведет линию и от Нехлюдова к Левину, между которыми как между автобиографическими героями есть генетическая связь. Но Версильов подчеркивает, что

⁷ Григорьев Ап. Граф Л. Толстой и его сочинения. Статья вторая. Литературная деятельность графа Л. Толстого. С. 514.

⁸ В статье 1859 г. Ап. Григорьев, еще не используя разделение литературных героев на «смирных» и «хищных», будет рассуждать о специфике русского характера в уже почвенническом ключе как о сочетании противоречий. Он будет противопоставлять эту особенность другим европейским народам. Любопытно также, в каком фрагменте появляется важное для нас слово «праздношатательство»: «В русской природе вообще заключается одинаковое, равномерное богатство сил, как положительных, так и отрицательных. Нещадно смеясь над всем, что несообразно с нашей душевной мерой, хотя бы безобразия несообразности явилось даже в том, что мы любим и уважаем (чем мы и отличаемся от других народов, в особенности от немцев, совершенно неспособных к комическому взгляду), мы столь же мало способны к строгой, однообразной чинности, кладущей на все печать уровня внешнего порядка и составной цельности. Любя праздники, и целую жизнь проживая иногда в праздношатательстве и кружении, мы не можем мешать дело с бездельем и, делая дело, сладострастно наслаждаться в нем мыслию о приготовлении себе известной порции законного безделья, чем опять-таки мы отличаемся от немцев» (Григорьев Ап. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Григорьев Ап. Литературная критика. М., 1967. С. 169).

желание сделать хотя бы одного человека счастливым невозможно удовлетворить отвлеченным благодеянием незнакомцу. Он противопоставлен Нехлюдову и наследующим ему другим героям Толстого. Фраза Версилова, что если уж он выдумал эту идею, то мог бы осчастливить «какого-нибудь подвернувшегося немца или немку», позволяет продолжить линию толстовского интертекста в творчество 1850-х гг. — не только к автобиографической трилогии, но и к рассказу «Люцерн», первому художественному высказыванию Толстого о своем заграничном путешествии.

Список литературы

1. Аствацатурова В. В. Европа Толстого и Европа Достоевского: опыт сравнительного анализа // Фридрих Гёльдерлин и идея Европы: коллективная монография по материалам IV Междунар. конф. по компаративным исследованиям национальных языков и культур / под ред. С. Л. Фокина. СПб., 2017. С. 317–334. EDN: YPSMIE
2. Бем А. Л. Художественная полемика с Толстым: к пониманию «Подростка» // Вокруг Достоевского: в 2 т. М.: Русский путь, 2007. Т. 1: О Достоевском: сб. ст. / под ред. А. Л. Бема. С. 535–552.
3. Бочаров С. Г. «О бессмысленная вечность!». От «Недоноска» к «Идиоту» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М.: Наследие, 2001. С. 111–136.
4. Брусовани М. И., Гальперина Р. Г. Заграничные путешествия Ф. М. Достоевского 1862 и 1863 гг. // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Т. 8. С. 572–591.
5. Волгин И. Л. Достоевский как турист (1862): открытие Европы или тайный визит к Искандеру? // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 3. С. 31–71 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1633769667.pdf (11.08.2024). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5541
6. Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского / Е. Г. Новикова, А. И. Щербинин, С. В. Вировец и др.; под ред. Е. Г. Новиковой, А. И. Щербинина. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. 288 с.
7. Гуськов С. Н. Зачем «Северная почта» в 1863 году призывала русских дворян вернуться на родину? (Еще раз о деятельности И. А. Гончарова на посту главного редактора правительственной газеты). Приложение. И. П. Письмо в редакцию «Северной почты» // Русская литература. 2023. № 4. С. 180–191 [Электронный ресурс]. URL: http://pushkinskijdom.ru/wp-content/uploads/2023/10/15_Guskov_180-191.pdf (11.08.2024). DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-180-191

8. Дмитриев В. М. Сопротивление памяти в «Исповеди» Ставрогина // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 1 (13). С. 82–105 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2021-1/02_Dimitriev_82-105.pdf (11.08.2024). DOI: 10.22455/2619-0311-2021-1-82-105
9. Долинин А. С. Последние романы Достоевского: как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 342 с.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
11. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. СПб.: Наука, 2013–2022. Т. 1–11.–
12. Жилиякова Э. М. Поэтика «невыразимого» в романе «Идиот» (Ф. М. Достоевский и В. А. Жуковский) // Роман Достоевского «Идиот»: раздумья, проблемы: межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1999. С. 47–59. EDN: YFJSGR
13. Захаров В. Н. Поэтика хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 180–201 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (11.08.2024). EDN: RTXNDJ
14. Кибальник С. А. «Положительно прекрасный» герой-европеец (образ Европы в творчестве Ф. М. Достоевского 1860-х годов) // Фридрих Гёльдерлин и идея Европы: коллективная монография по материалам IV Междунар конф. по компаративным исследованиям национальных языков и культур / под ред. С. Л. Фокина. СПб., 2017. С. 286–299.
15. Кибальник С. А. «Молодая эмиграция» в романе «Идиот» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. № 4. С. 164–174 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.philol.msu.ru/issues/VMU_9_Philol__2022_4.pdf (11.08.2024).
16. Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века: истоки и эстетическое своеобразие. Л.: Наука, 1974. 348 с.
17. Пономарев Е. Р. Русский имперский травелог // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. С. 33–44 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/144_nlo_2_2017/article/12412/ (11.08.2024). EDN: ZEKJQP
18. Порошенков Е. П. Тема «случайного семейства» в романах Л. Толстого «Анна Каренина» и Ф. Достоевского «Подросток» // Доклады и сообщения XII Толстовских чтений / под ред. М. П. Николаева. Тула: ТГПИ, 1973. С. 140–149. (Сер.: Толстовский сборник; вып. 5.)
19. Розенблюм Л. М. Творческая лаборатория Достоевского-романиста [«Подросток»] // Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток»: творческие рукописи. М.: Наука, 1965. С. 7–56. (Сер.: Лит. наследство; т. 77.)
20. Семенов Е. И. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: проблематика и жанр. Л.: Наука, 1979. 167 с.

21. Соловьев А. Ю. Проблема «Россия и Европа» в русских литературных путешествиях (Фонвизин — Карамзин — Достоевский): дис. ... д-ра филол. наук. Тарту: University of Tartu Press, 2022. 243 с.
22. Тарасова Н. А. «Абадонны, от земли отставшие»: непрочитанная запись Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6. С. 368–381 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2635> (11.08.2024). EDN: RUYLBV
23. Террас В. Диссонанс в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Записки Русской Академической группы в США: Dostoevsky Commemorative Volume. Нью-Йорк, 1981. Т. 14. С. 60–68.
24. Шаваринская С. Р. Размышления о судьбах русского дворянства на страницах романов Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и Ф. М. Достоевского «Подросток» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 2. С. 154–157 [Электронный ресурс]. URL: www.elibrary.ru/download/elibrary_18942799_73529488.pdf (11.08.2024). EDN: PYNQXX
25. Шёнле А. Эмоциональная, моральная и идеологическая амбивалентность изгнания. Николай Тургенев и перформанс политической эмиграции // Век диаспоры: траектории зарубежной русской литературы (1920–2020): сб. ст. / под ред. Марии Рубинс. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 52–89. (Сер.: Научное приложение; вып. CCVIII.)

References

1. Astvatsaturova V. V. Europe of Tolstoy and Europe of Dostoevsky: Comparative Analysis Experience. In: *Fridrikh Gyoł'derlin i ideya Evropy: kollektivnaya monografiya po materialam IV Mezhdunarodnoy konferentsii po komparativnym issledovaniyam natsional'nykh yazykov i kul'tur* [Friedrich Hölderlin and the Idea of Europe: Collective Monograph Based on the Proceedings of the 4th International Conference on Comparative Studies of National Languages and Cultures]. St. Petersburg, 2017, pp. 317–334. EDN: YPSMIE (In Russ.)
2. Bem A. L. Artistic Polemic with Tolstoy (on the Understanding of the “The Adolescent”. In: *Vokrug Dostoevskogo: v 2 tomakh* [Around Dostoevsky: in 2 Vols]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2007, vol. 1: On Dostoevsky: Collection of Articles, pp. 535–552. (In Russ.)
3. Bocharov S. G. “Oh, Meaningless Eternity!” From “The Premature Child” to “The Idiot”. In: *Roman F. M. Dostoevskogo “Idiot”: sovremennoe sostoyanie izucheniya* [F. M. Dostoevsky's Novel “The Idiot”: the Current State of Study]. Moscow, Nasledie Publ., 2001, pp. 111–136. (In Russ.)
4. Brusovani M. I., Gal'perina R. G. Foreign Travels of F. M. Dostoevsky in 1862 and 1863. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 8, pp. 572–591. (In Russ.)

5. Volgin I. L. Dostoevsky as a Tourist (1862): The Discovery of Europe or a Secret Visit to Iskander? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 3, pp. 31–71. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1633769667.pdf (accessed on August 11, 2024). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5541 (In Russ.)
6. *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F. M. Dostoevskogo [Geopolitical Map and Picture of the World of F. M. Dostoevsky]*. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2021. 288 p. (In Russ.)
7. Gus'kov S. N. Why did "Severnaya Pochta" Urge the Russian Aristocrats to Return to Their Homeland in 1863? (More on I. A. Goncharov's Experience as an Editor-in-Chief of a Government's Newspaper). Appendix. I. P. Letter to the Editor of "Severnaya Pochta". In: *Russkaya literatura*, 2023, no. 4, pp. 180–191. Available at: http://pushkinskiydom.ru/wp-content/uploads/2023/10/15_Guskov_180-191.pdf (accessed on August 11, 2024). DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-180-191 (In Russ.)
8. Dimitriev V. M. The Resistance of Memory in Stavrogin's "Confession". In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*, 2021, no. 1 (13), pp. 82–105. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2021-1/02_Dimitriev_82-105.pdf (accessed on August 11, 2024). DOI: 10.22455/2619-0311-2021-1-82-105 (In Russ.)
9. Dolin A. S. *Poslednie romany Dostoevskogo: kak sozdavalis' "Podrostok" i "Brat'ya Karamazovy" [Dostoevsky's Last Novels: How "The Adolescent" and "The Brothers Karamazov" Were Created]*. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1963. 342 p. (In Russ.)
10. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
11. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 tomakh [The Complete Works and Letters: in 35 Vols]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–2022, vol. 1–11.– (In Russ.)
12. Zhilyakova E. M. Poetics of "Unexpressed" Things in the Novel "The Idiot": F. M. Dostoevsky and V. A. Zhukovsky. In: *Roman Dostoevskogo "Idiot": razdum'ya, problemy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Dostoevsky's Novel "The Idiot": Thoughts, Problems: Interuniversity Collection of Scientific Papers]*. Ivanovo, 1999, pp. 47–59. EDN: YFJSGR (In Russ.)
13. Zakharov V. N. The Poetics of the Chronotope in "Winter Notes on Summer Impressions" by Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, vol. 11, pp. 180–201. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516399.pdf (accessed on August 11, 2024). EDN: RTXNDJ (In Russ.)
14. Kibal'nik S. A. "Positively Beautiful" European Hero (the Image of Europe in the Works of F. M. Dostoevsky in the 1860s). In: *Fridrikh Gjol'derlin i ideya Evropy: kollektivnaya monografiya po materialam IV Mezhdunarodnoy konferentsii po komparativnym issledovaniyam natsional'nykh yazykov i kul'tur [Friedrich Hölderlin and the Idea of Europe: Collective Monograph Based on the Proceedings of the 4th International Conference on Comparative Studies of National Languages and Cultures]*. St. Petersburg, 2017, pp. 286–299. (In Russ.)

15. Kibal'nik S. A. "Young Emigrants" in the Novel "The Idiot". In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [*Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*], 2022, no. 4, pp. 164–174. Available at: https://vestnik.philol.msu.ru/issues/VMU_9_Philol__2022_4.pdf (accessed on August 11, 2024). EDN: VUOYDX (In Russ.)
16. Lotman L. M. *Realizm russkoy literatury 60-kh godov XIX veka: istoki i esteticheskoe svoeobrazie* [*Realism of Russian Literature of the 1860s: Origins and Aesthetic Uniqueness*]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 348 p. (In Russ.)
17. Ponomarev E. R. Russian Imperial Travelogue. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, no. 2, pp. 33–44. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/144_nlo_2_2017/article/12412/ (accessed on August 11, 2024). EDN: ZEKJQP (In Russ.)
18. Poroshenkov E. P. The Theme of the "Accidental Family" in the Novels of L. Tolstoy "Anna Karenina" and F. Dostoevsky "The Adolescent". In: *Doklady i soobshcheniya XII Tolstovskikh chteniy* [*Reports and Talks of the 12th Tolstoy Readings*]. Tula, Tula State Pedagogical Institute Named After L. N. Tolstoy Publ., 1973, pp. 140–149. (Ser.: Tolstoy's Collection; Issue 5.) (In Russ.)
19. Rozenblyum L. M. The Creative Laboratory of Dostoevsky the Novelist ("The Adolescent"). In: *F. M. Dostoevskiy v rabote nad romanom "Podrostok": tvorcheskije rukopisi* [*F. M. Dostoevsky at Work on the Novel "The Adolescent": Creative Manuscripts*]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 7–56. (Ser.: Literary Heritage; vol. 77.) (In Russ.)
20. Semenov E. I. *Roman F. M. Dostoevskogo "Podrostok": problematika i zhanr* [*F. M. Dostoevsky's Novel "The Adolescent": Problems and Genre*]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 167 p. (In Russ.)
21. Solov'yov A. Yu. *Problema "Rossiya i Evropa" v russkikh literaturnykh puteshestviyakh (Fonvizin — Karamzin — Dostoevskiy): dis. ... d-ra filol. nauk* [*The Problem of "Russia and Europe" in Russian Literary Travels (Fonvizin — Karamzin — Dostoevsky). PhD. philol. sci. diss.*]. Tartu, University of Tartu Press Publ., 2022. 243 p. (In Russ.)
22. Tarasova N. A. Abaddons Who Abandoned Their Earthly Lives: an Unread Fyodor Dostoevsky's Note. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001, vol. 6, pp. 368–381. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2635> (accessed on August 11, 2024). EDN: RUYLBV (In Russ.)
23. Terras V. Dissonance in the Novel by F. M. Dostoevsky "The Idiot". In: *Zapiski Russkoy Akademicheskoy gruppy v SShA: Dostoevsky Commemorative Volume* [*Notes of the Russian Academic Group in the USA: Dostoevsky Commemorative Volume*]. New York, 1981, vol. 14, pp. 60–68. (In Russ.)
24. Shavarinskaya S. R. Reflections on the Fate of the Russian Nobility in the Pages of Novels Tolstoy's "Anna Karenina" and Dostoevsky's "The Adolescent". In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova* [*Vestnik of Kostroma State University*], 2012, vol. 18, no. 2, pp. 154–157. Available at: www.elibrary.ru/download/elibrary_18942799_73529488.pdf (accessed on August 11, 2024). EDN: PYNQXX (In Russ.)

25. Schönle A. Emotional, Moral, and Ideological Ambivalence of Exile. Nikolai Turgenev and the Performance of Political Emigration. In: *Vek diaspor: traektorii zarubezhnoy russkoy literatury (1920–2020): sbornik statey [The Age of Diaspora: Trajectories of Russian Literature Abroad (1920–2020): a Collection of Articles]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 52–89. (Ser.: Scientific Application; Issue 208.) (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Димитриев Виктор Михайлович, Viktor M. Dimitriev, PhD (Philology), кандидат филологических наук, независимый исследователь (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2801-3511>; e-mail: ganthenbein@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 25.08.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.10.2024

Принята к публикации / Accepted 12.10.2024

Дата публикации / Date of publication 21.11.2024